

Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность

Виктория Анатольевна Мун

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия
Контакт для переписки: mun-va@vlgr.ranepa.ru

Аннотация. В статье проведен анализ роли медико-биологических исследований в правовом регулировании установления отцовства в России в период с момента принятия первого семейного кодекса в 1918 г. до настоящего времени. Отмечается, что на сегодняшний день данная проблематика приобрела междисциплинарный характер исследования и является предметом изучения различных областей научного знания, включая исторические, философские, социальные, медико-биологические, а также правовые науки. Уделение особого внимания связи права и медицины в вопросах установления отцовства обуславливается неотвратимыми последствиями для всех лиц, вовлеченных в данное разбирательство. Автор приходит к выводу, что начиная с XX в. до настоящего времени медицина в своем развитии претерпела существенные, качественные изменения, усовершенствовались методы проведения экспертиз, техническое обеспечение ДНК-исследований, квалификация персонала. Однако наличие таких факторов как: случайные совпадения, определенные требования по сбору проб ДНК-материалов, вероятность идентификации, фрагментарность популяционно-генетических материалов — свидетельствует о том, что в целом заключение экспертов носит предположительный характер.

Ключевые слова: отцовство, детство, генетика, медицина, экспертиза, ДНК-анализ, семейный кодекс

Цитирование: Мун В. А. 2023. Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 122–130. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-122-130>

Поступила 05.11.2022; одобрена 28.11.2022; принята 31.01.2023

Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood to advances in medicine: history and modernity

Victoria A. Mun

Volgograd Institute of Management — Branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Corresponding author: mun-va@vlgr.ranepa.ru

Abstract. The author examines the role of biomedical research in the legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation in the period from the adoption of the first Family Code in 1918 to the present. It is noted that today this problem has acquired an interdisciplinary nature of research and is the subject of study of various fields of scientific knowledge, including historical, philosophical, social, biomedical, and legal sciences. Paying special attention to the relationship between law and medicine in matters of establishing paternity is conditioned by the inevitable consequences for all persons involved in this proceeding. The author comes to the conclusion that since the twentieth century to the present, medicine has undergone significant, qualitative changes in its development, methods of conducting examinations, technical support for DNA research, and personnel qualifications have been improved. However, the presence of such factors as: random coincidences, certain requirements for the collection of DNA samples of materials, the probability of identification, fragmentation of population-genetic materials — indicates that, in general, the expert opinion is presumptive.

Keywords: Fatherhood, childhood, genetics, medicine, expertise, DNA analysis, family code

Citation: Mun, V. A. (2023). Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood to advances in medicine: history and modernity. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 122–130. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-122-130>

Received Nov. 5, 2022; Reviewed Nov. 28, 2022.; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

Вопрос об установлении отцовства рассматривается экспертами различных областей знаний. Специалисты в области семейного права, анализируя современное законодательство о браке и семье, указывают на необходимость защиты прав детей, а также обращают внимание на проблемы сбора и оценки различных доказательств при при-

нятии судами решения в делах об установлении отцовства [Аблятипова, Девятова, 2020], юридические последствия подтверждения происхождения отцовства (жилищные, наследственные, социальные и др.) [Ахмедова, Тарикова, 2019]. Философы исследуют особенности культуры постразводного поведения, выделяя такие его негативные последствия, как феномены агрессивного материнства, травмированного отцовства, его реабилитация [Орлова, 2017]. Социологи рассматривают проблемы социальной адаптации детей, выросших без отца, влияние на ребенка ценностных установок семьи, важность участия отца в воспитании детей и др. [Королев, 2015]. Цивилисты обращаются к современным проблемам, возникающим в ходе практической юридической деятельности, изучают правовые последствия фиктивного установления отцовства и анализируют случаи уклонения от установления отцовства [Краснова, Алексеева, 2016]. Сравнительно новым направлением стало исследование особенностей установления отцовства при помощи искусственных методов репродукции человека [Зыков, 2020]. Подобное всестороннее обращение внимание к различным аспектам установления отцовства свидетельствует как об актуальности исследования данного института, так и о существующих проблемах, требующих государственно-правового разрешения. Однако влияние медико-биологических факторов на институт отцовства в России является малоизученной областью историко-правовой науки и до настоящего времени не стало предметом специального изучения.

Методы

При написании работы применены общеправовые методы (диалектико-материалистический), общенаучные методы (анализ, синтез, логический и исторический, сравнения и др.), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, историко-правовой и др.).

Результаты и обсуждение

Трансформация семейного законодательства под воздействием медико-биологических факторов уходит своими корнями в послереволюционный период, когда было законодательно установлено предбрачное медицинское освидетельствование, предусматривался запрет на брак по медицинским показаниям. Распространение в России в 1920-х гг. идеи о необходимости охраны человечества от различных пороков, ухудшающих наследственность, развитие учения о наследственности на фоне демографического кризиса в стране, дали благоприятную почву для популяризации евгенических идей и обсуждению законодательных мер, предусматривающих вмешательство в брачно-семейные отношения.

Первый семейный кодекс 1918 г. [Кодекс законов об актах гражданского состояния...] провозгласил абсолютное равенство матери и отца в вопросах воспитания и содержания совместных детей по взаимному согласию и в интересах детей (ст. 150, 151). С принятием семейного кодекса 1918 г. также произошло уравнивание правового положения детей, рожденных в браке и вне брака. Установление отцовства происходило путем записи лица в качестве отца ребенка в книге записи о рождении (ст. 134).

При отсутствии подобной отметки предусматривался судебный порядок установления отцовства (ст. 135). Тем самым произошло отступление от многовековых традиций патриархальных устоев, согласно которым в семье главенствовала роль отца, а права внебрачных детей существенно ограничивались.

Примечательно, что предусматривалась юридически простая процедура установления отцовства, которая заключалась в обращении беременной женщины с соответствующим заявлением в орган записи актов гражданского состояния. Срок подачи заявления ограничивался тремя месяцами до родов. При подаче заявления необходимо было указать предполагаемое время зачатия ребенка, а также данные об отце будущего ребенка (ст. 140). Последнему же предоставлялось право возбудить спор против матери и необоснованности заявления, тем самым оспорив отцовство.

Специфика рассмотрения данной категории дел в суде заключалась в сложности доказывания родственных отношений ребенка с предполагаемым отцом. Противоречивые свидетельские показания сторон носили неоднозначный характер. В этой связи судьи, не имеющие достоверных доказательств, стремясь разрешить вопрос о принадлежности ребенка отцу, нередко обращались за помощью к врачам. Однако ввиду неподготовленности, недостаточной изученности законов наследственной передачи определенных телесных признаков, законов генетики эксперты наряду с методом исследования крови применяли методы словесного портрета, дактилоскопии, исследования половой способности [Лейбович, 1928, с. 320]. Указанные методы, по мнению самих судебных экспертов, не могли дать достоверных результатов, в связи с чем Верховный суд РСФСР в 1925 г. дал разъяснения о преждевременности установления отцовства в судебном порядке на основании судебно-медицинских экспертиз, проведенных путем исследования крови. Необходимо отметить, что во многом по этой причине судебная практика по установлению отцовства зачастую была противоречива. Нередки были случаи ошибочно установленного отцовства либо изменений решений нижестоящих судов при их обжаловании [Гидулянов, 1927, с. 92].

На принятие Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. определенное влияние оказала существовавшая сложная судебная процедура установления отцовства. Теперь этот процесс упрощался и заключался в заявительном характере матери ребенка о предполагаемом отце (ст. 28). Сложилась так называемая «презумпция материнской правоты» [Российский гендерный порядок..., 2007, с. 106].

Указанные меры вводились на фоне легализованных аборт в ноябре 1920 г., популяризации контрацепции, обсуждении такого средства борьбы с бесплодием, как искусственное оплодотворение женщин [Шорохова, 1929]. Так, по мнению Н. К. Кольцова, государственно-правовые меры охраны материнства и младенчества являются евгеническими мерами, которые необходимо всячески проводить в жизнь во имя интересов расы и человечества. И в первую очередь государству следовало бы бороться с распространением абортов [Кольцов, 1921]. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. в СССР практика искусственного прерывания беременности приобрела массовый характер. Правительство рабочих и крестьян возлагало надежды на пропаганду против абортов в массах трудоспособного женского населения, однако данная мера не принесла ожи-

даемых результатов [Mishina, 2017]. Сложилась «абортная культура», в ходе которой возникло привыкание общества к широкому распространению аборт и естественному падению рождаемости. В учреждениях Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в 1934 г. на каждые 4 рождения приходился 1 аборт [Афанасова, 2012].

Законодательный запрет аборт в 1936 г. привел, хоть и на непродолжительное время, к росту рождаемости на всей территории РСФСР. С изданием Указа 1944 г. отменялась процедура судебного установления отцовства. Отныне только зарегистрированный брак являлся основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей (п. 20). В случае рождения ребенка в гражданском браке на биологического отца не возлагалось каких-либо родительских обязательств. Несмотря на то, что реализация данных мероприятий была направлена на повышение рождаемости в стране и улучшение демографических показателей, однако на практике это привело к укоренению понятия «многоженство», а тема «безответственности отцов» стала центральной проблемой семейных отношений [Замараева, Новоселов, 2012].

Примечательно, что после 1920-х гг. исследования в области генетики и антропологии достигли небывалых результатов. Усилиями ученых-антропологов сделан вывод о наследственной природе морфологических особенностей строения тела. Появление новой самостоятельной дисциплины — популяционной генетики человека — дало толчок для специального изучения такого явления в обществе как наследственная изменчивость [Фандо, 2011, с. 38.]. К концу 1930-х гг. медицинская генетика в Советском Союзе и в теории, и в практике «соответствовала самым высоким мировым стандартам» [Полищук, 2010]. Однако последовавшие репрессии привели к официальному запрету генетики вплоть до 1964 г.

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. [Кодекс о браке и семье РСФСР...] вновь предоставлял возможность установления отцовства в судебном порядке. При этом указывалось, что судам при оценке доказательств следовало принимать во внимание факт совместного проживания и ведения общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком (ст. 48).

В конце XX в. во всем мире получил широкое распространение метод судебной экспертизы — ДНК-дактилоскопия. В 1990 г. первая подобная судебная экспертиза была проведена в России [Качина, 2012]. Специалистами отмечалось, что установление родства по характеристикам ДНК является сложной задачей. Указанное во многом объяснялось тем, что эксперт мог предоставить на рассмотрение суда только вероятность идентификации или установления родства, которая подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами. Как отмечает российский генетик, специалист в области популяционной генетики Л. А. Животовский, существует вероятность того, что лицо не является генетическим отцом ребенка даже в тех случаях, когда судебная экспертиза свидетельствует о 99,97% такой вероятности. В качестве примера им приведен случай из его практики, в которой оспаривалась экспертиза установления отцовства. Несмотря на положительное заключение экспертов, 0,03% могли показать отсутствие родства между ребенком и предполагаемым отцом, что и было обнаружено в ходе использования поправочных коэффициентов, учитывающих данные по популяции коренного

населения и родственные отношения между вовлеченными в дело лицами. На основании рецензии, написанной на экспертизу с участием Л. А. Животовского, дело было прекращено [Животовский, 2001]. Данный случай не является единичным. Так, в США в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении молекулярного биолога, было установлено, что на основании проведенных им экспертиз по уголовным делам было приведено к исполнению 10 смертных приговоров. В каждом из этих случаев имели место ошибки эксперта [Там же].

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации [Семейный кодекс...] предусматривает возможность установления отцовства (происхождения ребенка от конкретного лица) в судебном порядке в случаях рождения ребенка у родителей, не состоящих в зарегистрированном браке (ст. 49). В качестве доказательств подтверждения отцовства судом принимаются любые достоверные сведения. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 [О применении судами...] обращено внимание судов на то, что заключение эксперта по вопросу о происхождении ребенка является лишь «одним из доказательств и подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами, имеющимися в деле» (п. 20). Подобный подход позволяет оценить доказательства в делах об установлении отцовства наиболее всесторонне и полно.

Стремительные изменения, вызванные внедрением новых методов анализа ДНК, общедоступность генетических тестов, многофакторность, влияющая на результаты экспертизы, привели к тому, что вопрос о способах и методах проведения экспертизы установления отцовства был предметом обсуждения на международном уровне. Так, основанное в 1968 г. Международное общество судебной генетики (The International Society for Forensic Genetics) учредило Комиссию по установлению отцовства (Paternity Testing Commission). Общеизвестным фактом стало утверждение, что качество и достоверность проверки отцовства зависит от целого ряда условий, в число которых входит управление лабораторией, квалификация персонала, система качества, техническое оснащение и делопроизводство. Для избежания ошибок при производстве подробных экспертиз Комиссией были выработаны Международные рекомендации по стандартам проверки отцовства, в которых также содержатся комментарии по некоторым возможным ситуациям при проведении экспертизы [Orlinga, Allen и др.]. Указанное свидетельствует как о повсеместной востребованности процедуры установления отцовства, так и о важности соблюдения определенных стандартов.

Заключение

Таким образом, своевременное правовое регулирование института отцовства приобретает особую важность на фоне стремительно развивающихся технологий в области биологии, генетики. Особенностью института отцовства является не только его междисциплинарный характер, но и тесная связь с генетическими технологиями в медицине. Очевидно, что доказывание в делах об установлении отцовства в ближайшей перспективе будет основано на результатах генетической экспертизы. Однако только в случае своевременного отражения в праве достижений медицины возможно эффективное регулирование возникающих правоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аблятипова Н. А., Девятова Н. В. 2020. Роль доказательств в делах об установлении отцовства: системность правоприменительной практики // Вестник Московского университета МВД России. № 6. С. 70–75.
- Афанасова Е. Н. 2012. Реализация государственной политики запрещения аборт на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 7 (66). С. 227–231.
- Ахмедова З. А., Тарикова Б. Р. 2019. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. Том 34. Вып. 3. С. 102–108.
- Гидулянов П. В. 1927. Кодекс законов о браке, семье и опеке: с постат. коммент. Ленинград. 308 с.
- Животовский Л. А. 2001. ДНК в суде // Химия и жизнь. № 12. С. 23–27.
- Замараева З. П., Новоселов В. М. 2012. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. № 6. С. 53–56.
- Зыков С. В. 2020. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 44–71. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.3.44-71>
- Качина Н. Н. 2012. Совершенствование правовых и методических основ исследования ДНК // Медицинская экспертиза и право. 2012. № 2. С. 7–10.
- Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве: Кодекс от 22.10.1918 № 818 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=196029155&rdk=&link_id=2&intel-search=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9++
- Кодекс о браке и семье РСФСР: Кодекс РСФСР от 30.07.1969 б/н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010117&rdk=&backlink=1>
- Кольцов Н. К. 1921. Евгеника как научная база в работе Отдела Охраны Материнства и Младенчества и аборты с точки зрения евгеники и охраны материнства и младенчества // Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества, Москва, 1–5 декабря 1920. Москва. С. 41–55.
- Королев С. В. 2015. О причинах кризиса института отцовства в России и его влияние на ценностные установки // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. № 1 (4). С. 20–23.
- Краснова Т. В., Алексеева Е. В. 2016. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 34. С. 426–439. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2016-34-426-439>
- Лейбович Я. 1928. Судебная гинекология: руководство для врачей и юристов. Харьков: Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1928. 350 с.
- О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федера-

- ции от 16 мая 2017 г. N 16 // Российская газета. Официальный сайт. URL: <https://rg.ru/documents/2017/05/24/detiproishozhd-dok.html>
- Орлова Н. Х. 2017. Ограничение прав отцов в постразводной ситуации // Парадигма: философско-культурологический альманах. № 26. С. 93–104.
- Полищук А. М. 2010. Медицинская генетика в России // Химия и жизнь — XXI век. № 2. С. 44–48.
- Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
- Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925&rdk=>
- Фандо Р. А. 2011. Становление генетики человека в СССР в первой половине XX в.: теоретические и социокультурные аспекты: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. 51 с.
- Шорохова А. А. 1929. Новые пути в селекции человека и млекопитающих // Врачебная газета. № 3–4. С. 179–184.
- Mishina E. 2017. Soviet family law: women and child care (from 1917 to the 1940s) // Russian Law Journal. Vol. 5. No. 4. Pp. 69–92. <https://www.doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-4-69-92>
- Morling N., Allen R. B., Carracedo A., Geada H., Guidet F., Hallenberg C., Martin W., Mayr W. R., Olaisen B., Pascali V. L., Schneider P. M. 2003. Международные рекомендации по стандартам проверки отцовства. URL: https://tapotili.ru/doc/ptc_2003_rus.pdf (Дата обращения 01.10.2022 г.)

References

- Abyatipova, N. A., Devyatova, N. V. (2020). The role of evidence in paternity cases: consistency of law enforcement practice. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (6), 70–75. [In Russian]
- Afanasova, E. N. (2012). Implementation of the state policy of banning abortions in Eastern Siberia in the second half of the 1930s. *Bulletin of the IrSTU*, (7), 227–231. [In Russian]
- Akhmedova, Z. A. & Tarikova, B. R. (2019). Problematic aspects of establishing paternity. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 34(3), 102–108. [In Russian]
- Gidulyanov, P. V. (1927). *The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship: with article commentaries*. [In Russian]
- Zhivotovsky, L. A. (2001). DNA in court. *Chemistry and life*, (12), 23–27. [In Russian]
- Zamaraeva, Z. P. & Novoselov, V. M. (2012). Features of the transformation of the institution of fatherhood in the Soviet period. *Theory and Practice of Social Development*, (6), 53–56. [In Russian]
- Zykov, S. V. (2020). The exercise of the right of paternity in modern Russia: law enforcement and legislative obstacles. *Law Journal of the Higher School of Economics*, (3), 44–71. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.3.44.71> [In Russian]
- Kachina, N. N. (2012). Improving the legal and methodological foundations of DNA research. *Medical Expertise and Law*, (2), 7–10. [In Russian]

- Koltsov, N. K. (1920). Eugenics as a scientific basis in the work of the Department of Maternity and Infancy Protection and abortions from the point of view of eugenics and maternity and infancy protection. *Proceedings of the 1st All-Russian Conference on Maternity and Infancy Protection, Moscow, Dec. 1–5* (pp. 41–55). [In Russian]
- Korolev, S. V. (2015). On the causes of the crisis of the institution of fatherhood in Russia and its impact on value attitudes. *Civil Society in Russia: State, Trends, Prospects*, (1), 20–23. [In Russian]
- Krasnova, T. V. & Alekseeva, E. V. (2016). Fathers and children: problems of acquiring parental rights by men (on the example of Russian legislation). *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, (34), 426–439. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2016-34-426-439> [In Russian]
- Leibovich, Ya. (1928). *Forensic Gynecology: A Guide for Doctors and Lawyers*. Legal Publishing House of the People's Commissariat of the USSR. [In Russian]
- Orlova, N. H. (2017). Restriction of the rights of fathers in a post-divorce situation. *Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac*, (26), 93–104. [In Russian]
- Polishchuk, A. M. (2010). Medical genetics in Russia. *Chemistry and Life — XXI century*, (2), 44–48. [In Russian]
- Zravomyslova, E. & Temkina A. (Eds.). (2007). *The Russian Gender Order: A Sociological Approach*. Publishing House of the European University in St. Petersburg. [In Russian]
- Fando, R. A. (2011). *The formation of human genetics in the USSR in the first half of the twentieth century: theoretical and socio-cultural aspects* [Doctoral dissertation abstract, Moscow]. [In Russian]
- Shorokhova, A. A. (1929). New ways in human and mammalian breeding. *Medical Gazette*, (3–4), 179–184. [In Russian]
- Mishina, E. (2017). Soviet family law: women and child-care (1917–1940s). *Russian Law Journal*, 5(4), 69–92.
- Morling, N., Allen, R. B., Carracedo, A., Geada, H., Guidet, F., Hallenberg, C., Martin, W., Mayr, W. R., Olaisen, B., Pascali, V. L., Schneider, P. M. (2003). *Paternity Testing Commission of the International Society of Forensic Genetics: recommendations on genetic investigations in paternity cases* (N. N. Borisov, Trans.). Retrieved Oct. 1, 2022, from https://tapotili.ru/doc/ptc_2003_rus.pdf [In Russian]

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Мун, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия
mun-va@vlgr.ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Information about the author

Victoria A. Mun, Cand. Sci. (Jur.). Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia
mun-va@vlgr.ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>